

И. В. Сахаров
(Санкт-Петербург)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГРАФА АЛЕКСЕЯ ГРИГОРЬЕВИЧА БОБРИНСКОГО (1762–1813), ЗАПЕЧАТЛЕННОЕ В ПОЖАЛОВАННОМ ЕМУ ГЕРБЕ

Известно, что летом 1761 года великая княгиня Екатерина Алексеевна (будущая императрица Екатерина II) обнаружила, что беременна. Она знала, кто был отцом ребенка, – в это время ее любовником был гвардейский офицер Григорий Орлов (удостоенный впоследствии графского, а затем и княжеского титулов).

То, что ее супруг Петр III не мог быть отцом, стало бы ясно и самому императору – тот уже давно не разделял с женой супружеского ложа. Поэтому случившееся, грозившее Екатерине самыми тяжелыми последствиями, тщательно скрывалось от окружающих (кроме немногих доверенных лиц). Когда же со временем стало невозможно появляться в свете, не разоблачив себя, Екатерина сказалась больной (якобы она подвернула ногу) и в последние месяцы беременности вообще не выходила из своих покоев, если же супруг изредка находил нужным ее навестить, она принимала его, лежа в постели.

Наконец, 11 апреля 1862 года наступил критический момент. Рождение ребенка невозможно было скрыть от императора. Чтобы спасти положение, один из ближайших к Екатерине придворных служителей, ее камердинер Василий Григорьевич Шкурин, предложил следующее: зная, что Петр III питал слабость к пожарам и всегда, когда такое бедствие в городе случалось, немедленно выезжал на место, чтобы наблюдать, как люди пытаются совладать с огнем и спасти свои пожитки, Шкурин подожет собственный дом. Государь, узнав о случившемся, вместе со многими придворными покинул Зимний дворец и направился к горящему дому, и новорожденный мальчик появился на свет в его отсутствие.

Шкурин тайно вынес ребенка из дворца и взял заботы о нем на себя, выдал за своего родственника и на первых порах воспитывал его вместе с собственными детьми. При крещении его нарекли Алексеем (впоследствии это имя стало традиционным среди его потомков – в его нисходящей родословной по мужским линиям насчитывается пятнадцать человек с именем Алексей и, в частности, шесть с именем и отчеством Алексей Алексеевич!).

Уже в июне 1762 года произошел дворцовый переворот, Петр III был убит и Екатерина стала самодержавной правительницей империи. В. Г. Шкурин, принявший в перевороте активное участие, был обласкан императрицей: он был возведен в дворянское достоинство, пожалован поместьями и скончался в 1782 году, будучи камергером, действительным тайным советником и сенатором.

Императрица никогда открыто не демонстрировала, что Алексей является ее сыном (хотя это и перестало быть секретом для современников). Однако для его материального обеспечения она в 1763 году приобрела обширное и богатое имение Бобринки в Тульской губернии и никогда не упускала сына из виду, заботилась о его воспитании и образовании, но всегда держала его от себя на расстоянии и даже не разрешала постоянно жить в Санкт-Петербурге.

Какую же фамилию он получил?

Незаконным детям, появившимся в дворянской среде, нередко придумывали прозвание, так или иначе напоминавшее фамилию их отцов, но вместе с тем с нею не совпадавшее.

Примером может служить Анастасия (1775 – ум. после 1840) – дочь Екатерины II от Григория Александровича Потёмкина. Впрочем, она не была внебрачным ребенком: как было недавно документально подтверждено, ко времени рождения дочери императрица состояла с Потёмкиным (в то время носившим титул графа) в законном браке: они были обвенчаны 8 июля 1774 года, на Троицу, в Санкт-Петербурге, в Сампсониевском соборе¹. Однако венчание было тайным, и брак их оставался тайным. Поэтому родившееся дитя получило усеченную отцовскую фамилию: в детстве и отрочестве она именовалась Тёмкиной, а в дальнейшем, вплоть до замужества (в 1794 году она была выдана замуж за грека Ивана Христофоровича Калагеорги, впоследствии действительного статского советника, екатеринославского губернатора), носила фамилию Темницыной² или Темлищыной (последнее наводило многих на ложную мысль о том, что она была дочерью Потёмкина не от императрицы, а от одной из княжон или княгинь Голицыных).

Другой распространенный способ конструирования фамилий незаконных детей – именование их по тем или иным географическим названиям (нередко по названиям имений). Это и произошло с внебрачным отпрыском Екатерины II: отрок Алексей, которого в раннем детстве называли князем Сицким (род Рюриковичей, некогда носивших это прозвание, давно уже пресекся), получил фамилию Бобринского по названию пожалованного ему имения.

Разумеется, в данном случае фамилия как таковая не «сигнализировала» ни о внебрачном происхождении юноши, ни тем более о том, кто был его отец (об отце напоминало лишь отчество Алексея – Григорьевич) и, главное, кем была его мать.

Однако случай с Алексеем Бобринским достаточно редок: его происхождение нашло свое непосредственное отражение в геральдике – в пожалованный Алексею Бобринскому герб императрица сочла возможным включить элементы родового герба принцев Ангальтов, к которым (к линии Ангальт-Цербст) по рождению она принадлежала; о ее материнстве косвенно свидетельствует и приданный гербу девиз. Этот герб, как и графский титул, были официально утверждены императором Павлом I сразу по восшествии его на престол 12 ноября 1786 года (то есть через шесть дней после кончины императрицы), когда он призвал Алексея Бобринского ко двору, признал его в качестве своего единоутробного брата и позволил ему обосноваться в Санкт-Петербурге.

Посмотрим на рисунок герба (см. с. 98, ил. 2) и на блазон, попутно насладившись одновременно и тяжеловесным, и изысканным архаичным языком документа: «Щит разделяется поперечною посреди чертою, а верх сего щита паки разделен на две части;

в средоточии положен малый щиток, изображающий на золоте двуглавого черного Орла, увенчанного Коронами. В верхней правой части щита, различенной в пролодь на серебро и голубый цвет, виден воспаряющий Орел, который переменяется на серебре в голубый цвет, а на оном в серебро; в левом верхнем поле разделенном же по полам в поперег, вверху серебром, а в низу красным цветом, восходит Бобр с левого нижнего угла к правому верхнему косвенно, и прсобразуется на серебре в красный цвет, а на красном в серебро; в третьей нижней части на подошве щита видна в серебре, ном поле красная гороловая стена несколько вкось к левой стороне простирающаяся, на которой является идущий медведь в золотой Короне и с таковым же ошейником. Щит увенчан обыкновенною Графскою Коронаю с турнирным на оной поставленным шлемом Графам свойственным, который покрыт наметом с правой стороны золотым, а с левой черным, подложен весь голубым. Поверхность сих утварей украшена Коронаю и на оной стоящим Государственным Российским гербом, увенчаным двумя на орлиных главах Коронами; все сие заключается надписанием: *Богу слава, жизнь тебе.*

Граф Алексей Григорьевич Бобринской в Графское Всероссийской Империи достоинство с потомством его пожалован в 1796м году ноября 12го дня по Имянному Государя ИМПЕРАТОРА ПАВЛА Первого Указу, и на сие достоинство Диплом дан в 1797м году Февраля 12го дня, с коего в Герольдии хранится копия»³.

И коронованный медведь, шагающий по крепостной стене, и одноглавый орел с распростертыми крыльями — это элементы дома Ангальтов; изображение же бобра превращает герб в «говорящий».

Впрочем, к сказанному выше необходимо добавить следующее.

В известном гербовнике Зибмахера опубликовано краткое описание герба графа Алексея Бобринского⁴. В частности, подтверждается, что медведь, идущий по стене, заимствован из герба принцев Ангальтов. Однако орел, изображенный в первой части щита, в указанном гербовнике соотнесен не с гербом Ангальтов, а с родовым гербом Орловых. Действительно, герб дворянского рода Орловых (он же включен в виде центрального малого щитка и в гербовые щиты тех членов этого рода, которые при Екатерине II получили графский и княжеский титулы, среди них в первую очередь — Григорий Орлов) тоже представляет одноглавого орла с распростертыми крыльями⁵. Однако цвета и металлы, которые представлены в гербе Орловых, не имеют ничего общего с таковыми, присущими орлу в гербе графа Алексея Бобринского. Хотя некоторое несоответствие имеет место между ангальтским гербом и гербом графа Алексея Бобринского: в первом случае медведь шагает по стене в левую сторону, а во втором — в правую; голова орла в первом случае повернута налево, а во втором — направо.

Если в гербе, пожалованном первому графу Бобринскому, одноглавый орел действительно заимствован из родового герба Орловых, то мы имеем дело с уникальным случаем: с помощью языка геральдики в гербе сообщается не только о матери внебрачного ребенка, но и о его отце, а девиз, соответственно, «произносится» от имени обоих родителей.

В завершение отметим, что многие носители фамилии, титула и герба графов Бобринских проявили себя в самых различных сферах жизни России, и один из них хорошо известен геральдистам и генеалогам: это граф Александр Алексеевич Бобринский (1823—1903), автор двухтомного сочинения «Дворянские роды, внесенные в Общий гербовник Всероссийской империи» (СПб., 1890) и один из учредителей Русского гене-

логического общества. Добавим, что имение Бобрики, равно как и родовая роскошная городская усадьба-дворец на Галерной улице в Санкт-Петербурге, продолжали оставаться в роду графов Бобринских вплоть до революции 1917 года.

- ¹ Лопатин В. С. Тайный брак императрицы Екатерины Великой // Екатерина Великая: Эпоха российской истории. СПб., 1996. С. 144–146; Екатерина II и Г. А. Потемкин: Личная переписка, 1769–1791 / сост., автор ст. и примеч. В. С. Лопатин. М., 1997. С. 513–515, 521.
- ² Гладкий С. В. Потомство св. князя Г. А. Потемкина Таврического // Новик: Историко-генеалогический журнал (Нью-Йорк). 1953. Отдел I. С. 11–14.

- ³ Герб рода графа Бобринского // Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. СПб., [1798]. Ч. 1. № 27.
- ⁴ Von Bobrinsky, Grafen (Livland). Tafel 8 // J. Siebmacher's Grosses Wappenbuch. Neustadt an der Aisch, 1980. Bd. 25: Der Adel der russischen Ostseeprovinzen (Estland, Kurland, Livland, Oesel). S. 36.
- ⁵ См., например: Герб рода графов Орловых // Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. Ч. 1. № 24.